

КОДЕКС РЫЦАРЯ НАУКИ

Одно из самых известных высказываний Владимира Маяковского: «Я поэт. Этим и интересен». Впрочем, эта фраза хороша не только яркостью, точностью и лаконичностью, а также своей универсальностью относительно времени, пространства и «субъекта» данного высказывания. Слегка перефразированные слова поэтического классика идеально подходят к личности члена-корреспондента РАН, директора Института мониторинга климатических и экологических систем Михаила Всеволодовича Кабанова: «Ученый. Этим и интересен».

Действительно, трудно сегодня найти человека, настолько преданного науке, поиску новых знаний. Ученый «до мозга костей», один из первых учеников академика Владимира Зуева, достойный продолжатель его дел, уже воспитавший сам десятки талантливых исследователей, докторов и кандидатов наук, которые, в свою очередь, «наплодили» Михаилу Всеволодовичу уже сотни научных «внучат».

Еще более подходящее определение: «Рыцарь науки». Настоящий патриот Томского научного центра, наших университетов, всей российской науки.

Иногда он «рыцарь печального образа», безудержно бросающийся на бюрократические «мельницы» различных преобразований, увы, большей частью не очень продуманных и недальновидных. Михаил Кабанов встречает их с открытым забралом. Говорит об этом прямо, даже рискованно. По-другому не может.

Итак, Михаил Кабанов интересен, прежде всего, как исследователь, крупнейший специалист в атмосферной оптике. Откуда же появилась тяга к знаниям? Ведь детство и юность прошли в военные и послевоенные годы, не очень-то располагающие к думам о тайнах природы... Попробуем разобраться.

Когда Миша учился в 8-м классе, семья переехала из Средней Азии на Алтай, почти на границу с Казахстаном, в рабочий поселок Горняк.

— У нас в школе был отличный преподаватель физики, Генрих Иванович, бывший ученый. Ребята, которые интересовались наукой, после уроков все время пропадали в физическом кабинете. Первый реализованный мною

самостоятельный «инновационный проект», это... перегонный аппарат. Генрих Иванович сказал мне, что в школе нет дистиллированной воды для проведения опытов, дал мне книжку с описанием процесса. Я изготовил аппарат из подручных материалов, и он успешно работал.

По окончании школы не было проблемы, «на какую специальность поступать». Оставался единственный вопрос: в какой город ехать, в какой вуз. Опять же подсказал учитель: «До Москвы далеко. Гораздо ближе Томский университет, который ничуть не хуже МГУ».

Приехав в Томск, сдал документы на физический факультет ТГУ. Поступил, успешно сдав экзамены. Уже на первом курсе у Михаила Кабанова произошла встреча, без преувеличений, определившая его научную судьбу.

— Курс общей физики, — вспоминает Михаил Кабанов, — у нас читал молодой доцент ФФ, кандидат физико-математических наук Владимир Зуев. Он же был у нас руководителем, когда после первого курса мы поехали на отработку в колхоз, присматривался, кто как работает... На втором курсе Владимир Евсеевич предложил мне и еще нескольким ребятам заниматься в студенческом научном кружке при кафедре оптики и спектроскопии. Направление кружка он выбрал в соответствии с научной темой, которую тогда поручили Томскому университету, и которой он непосредственно занимался — «распространение инфракрасного излучения в атмосфере». Она имела прикладное, военное значение и была связана с проблемой обнаружения и пеленгации «тепловых целей» на больших расстояниях. В.Е. Зуев нам сказал: «Ребята, подключайтесь! Будем с этой темой разбираться вместе»...

В общем, со второго курса веселая студенческая жизнь для Михаила Кабанова и закончилась, толком не успев начаться. Еженедельно готовили доклады по инфракрасному излучению, вместе с Владимиром Евсеевичем подробно разбирали их на студенческом научном кружке. Самые первые ученики прославленного академика, отца-основателя Томского научного центра — Кабанов, Творогов, Хмелевцов, Эляшберг. Как с улыбкой признается Михаил Всеволодович, «так все и началось, особо соображать, чем заниматься, было некогда. Владимир Евсеевич был очень строгий, никогда не давал расслабиться».

Впрочем, позволим себе не согласиться со столь «детерминированной» точкой зрения Михаила Кабанова, который все-таки лукавит. Конечно, наличие рядом такого учителя, как Владимир Евсеевич, сыграло очень важную роль, дало мощный толчок в формировании как ученого, организатора, руководителя... Но можно привести множество примеров, когда встреча с Зуевым, скажем так, не оказывала благотворного влияния на научную карьеру того или иного индивида. У академика был непростой характер, далеко не все могли с ним сработаться.

— Не довлекла ли нал вами железная воля Владимира Евсеевича?

— Не довлекла, а дисциплинировала, — отвечает Михаил Кабанов. — Он всегда все прямо высказывал, указывал на недоработки. Заставлял работать в напряженном режиме... Теперь, рассуждая с колокольни прошедших лет, считаю, что руководители должны быть очень требовательны. Чувствую, что мне, как директору института, этого немного не хватает...

Автору этих строк довелось работать младшим научным сотрудником СФТИ, когда Михаил Всеволодович был там директором. Он практически никогда ни на кого не давил. Доброту приходилось компенсировать тем, что на должности своих заместителей, как правило, подбирал жестких администраторов. В институте даже шутили: «Кабанов у нас «добрый полицейский», замдиректора — «злые полицейские».

Забегаая чуть вперед, отметим, что академик Зуев значительно повлиял на судьбу не только Михаила Кабанова, но и его сыновей. В 1970-х годах, когда старшие сыновья, Дмитрий и Андрей были школьниками, Владимир Евсеевич постоянно заводил с ними серьезные, «взрослые» разговоры. Будучи в гостях, или встретив на прогулке, рассказывал им о физике, о работе ученых, о том, насколько интересно узнать тайны природы... Сегодня Дмитри и Андрей Кабановы успешно занимаются исследованиями в Институте оптики атмосферы СО РАН, младший, Михаил, в Институте мониторинга климатических и экологических систем СО РАН.

После окончания университета была аспирантура, поступать туда настоятельно рекомендовал шеф. Был великий соблазн: в тот момент активно строился «5-й Почтовый», ныне Северск. Сибирскому химическому комбинату требовались толковые специалисты, лучшие выпускники ТГУТПИ, других вузов. Кабанову предлагали не только приличную зарплату, квартиру, спецобеспечение закрытого города, а даже квартиру родителям. Кабанов выбрал науку. Тем более, добро дала его супруга, Валентина Матвеевна: «Делай, как считаешь нужным. А с деньгами как-нибудь перебьемся...»

Михаил Кабанов блестяще защитил кандидатскую диссертацию, затем докторскую. Работал в СФТИ, в лаборатории профессора Зуева. Во второй половине 1960-х был свидетелем и активным участником событий, ставших судьбоносными для томской и сибирской науки: создание Академгородка, формирование Томского академического центра.

— Впервые идею о создании академического института в Томске, — вспоминает Михаил Кабанов, — Владимир Евсеевич Зуев выдвинул и обсудил со своими учениками в 1965 году. К тому времени в крупнейшей по численности лаборатории Зуева (я тогда был в лаборатории его заместителем) впервые в мире были проведены эксперименты по распространению лазерного излучения в атмосфере, появилась уверенность в перспективности этого научного направления и в необходимости его дальнейшего развития. Но реализация «академической» идеи началась только в следующем году, когда первым секретарем Томского обкома КПСС стал Егор Лигачев. Он не только поддержал идею Владимира Евсеевича, но и развил ее до создания

академического центра из нескольких институтов. Мне было поручено возглавить базовую для Института оптики атмосферы лабораторию Зуева в СФТИ для плавного перевода ее штатов, более 100 сотрудников, программ, работ и экспериментальной базы в ИОА. Этот практически бесконфликтный перевод лаборатории завершился в 1974 году.

В том году Михаил Кабанов перешел в ИОА на должность заведующего лабораторией, затем отделом, и заместителя директора института. В 1984 году снова вернулся в СФТИ, уже в кресло директора института. В 1992-м, одном из самых суровых годов для отечественной науки, по просьбе академика Зуева вновь вернулся в Академгородок, чтобы возглавить конструкторско-технологический институт «Оптика» (бывшее СКБ «Оптика»). Сегодня он значительно расширил исследовательскую тематику и носит название Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) Сибирского отделения РАН.

— Наш институт одновременно и старый, и молодой, — рассказывает его директор, член-корреспондент РАН Михаил Кабанов. — В течение последних 15 лет он постоянно трансформируется.

По сути, СКБ являлся хозрасчетной «дочкой» Института оптики атмосферы, задачи которой в большей степени были инженерно-конструкторскими. «Оптика» совместно с ИОА создавала приборы для полевых и лабораторных исследований по физике атмосферы. Самые яркие и высокотехнологичные разработки тех лет: первый российский космический лидар «Балкан», проработавший на орбитальной станции «Мир» в течение двух лет; первый мобильный лидар «Лоза-3» для дистанционного зондирования атмосферных аэрозолей; лазерный навигационный маяк «Лиман-2», удостоенный золотой медали и диплома Лейпцигской ярмарки.

В 1992 году СКБ преобразуется в КТИ «Оптика» с последующим переименованием в Институт оптического мониторинга СО РАН. Формируется самостоятельное научное направление по комплексному климато-экологическому мониторингу, осуществляется конверсия по научному приборостроению. В 2003 году Президиум СО РАН переводит в структуру ИОМ Томский филиал Института леса и переименовывает в Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН.

Заметим, что со «вторым пришествием» в академию было не все так просто.

— Когда в 1992 году я пришел в КТИ, — вспоминает Кабанов, — у нас с Владимиром Евсеевичем оказались разные взгляды на развитие института. В начале 1990-х резко сократился госзаказ от оборонки, поэтому делать ставку на уникальное научное приборостроение, на мой взгляд, было бесперспективно. Положение осложнялось, не хватало денег на зарплату... Поэтому следовало разрабатывать и создавать приборы, пользующиеся спросом на рынке. Владимир Евсеевич по-прежнему стоял на том, чтобы заниматься лишь уникальными установками. Мол, «не для того мы создавали СКБ, чтобы делать «ширпотреб»...

Время показало, что в большей степени был прав Кабанов.

Сегодня в институте работают три отделения: геофизических исследований, научного приборостроения и экологических исследований. Основное направление — научные и технологические основы мониторинга, моделирования и прогнозирования климатических и экосистемных изменений под воздействием природных и антропогенных факторов.

— В Томском научном центре институт занимает особое место. Во всем Сибирском регионе мы выделяемся за счет специфики, — рассказывает Михаил Кабанов. — Наш объект исследования — климатическая система. Беспрецедентно сложная, с изменяющимися параметрами, еще не раскрытыми механизмами функционирования. Тем более, вся мировая наука признает, что пора менять наши взгляды на климат. Существующая причинно-следственная парадигма «не работает». В этом направлении мы сейчас и движемся, разрабатывая, в том числе, новую парадигму.

Трудно не согласиться с директором. В современной науке невозможно найти более сложную задачу, чем создание парадигмы для описания и прогнозирования природно-климатических систем. Она требует широкой интеграции научных дисциплин — физико-математических, технических, биологических, географических и др. Новых методов и приборов для мониторинга, новых информационных технологий для моделирования и т.д.

В общем, не просто задача, а сверхзадача... Причем не только «беспрецедентно сложная», но и не менее актуальная. Не надо никого убеждать, что глобальные климатические изменения — это вопрос жизни и смерти человеческой цивилизации. И для того, чтобы отвести смертельную угрозу, прежде всего, нужно разобраться в «механизмах и винтиках» природно-климатической системы.

— Насколько велико влияние техногенных Факторов на климат. — интересуемся у директора, — в частности, содержания углекислого газа в атмосфере? Считается, что именно этот фактор является определяющим...

— Здесь далеко не все ясно, — говорит Михаил Всеволодович. — Но, не подлежит никакому сомнению, что содержание углекислого газа в атмосфере возрастает. Это началось еще до индустриальной эры, и идет уже три века, примерно с одной скоростью. Ведь существует естественный, природный оборот углекислого газа, на фоне которого нынешние антропогенные выбросы составляют лишь небольшой процент. Подобные же данные есть по солнечной активности, по давлению в атмосфере и т.д. И палеонтологические исследования говорят о том, что и раньше, в древности, имели место быть климатические изменения и колебания. К сожалению, пока нет методов, позволяющих разделить влияние природных и антропогенных факторов. Их надо еще разрабатывать...

Михаил Всеволодович считает, что в сегодняшних разговорах о глобальном потеплении больше «политики», чем достоверных данных. «Еще полвека назад вопрос о климатических изменениях на Земле обсуждался с позиции, как скоро и каких последствий следует ожидать от наблюдаемого похолодания. И когда в 1972 году академик Будыко на одной из конференций высказал мнение об ожидаемой тенденции к глобальному потеплению, многие специалисты отнеслись к этому мнению с недоверием».

Несмотря на все трудности, ученым ИМКЭС удалось сделать природно-климатический прогноз в масштабе десятилетий, столетий и даже тысячелетия.

Рассказ об интересном, неординарном человеке, тем более ученом, будет неполным, если не познакомить с его увлечениями или хобби.

— Я — добросовестный помощник жены по огородным делам, — отвечает Михаил Кабанов. — Все летние выходные стараюсь проводить на дачном участке, с удовольствием копаясь в земле.

А еще Михаил Всеволодович пишет стихи.

— Я для себя сформировал общую линию своей карьеры, — говорит в заключение Михаил Всеволодович. — Административные должности мне приходилось постоянно менять, а вот научный курс фактически оставался одним и тем же. Вся свою научную жизнь исследовал закономерности распространения оптического излучения в атмосфере. И сейчас, изучая климатические процессы, решаю ту же задачу. Только гораздо более сложную, более общую... ..Михаил Кабанов был и остается верным себе.

Андрей Карыпов, г. Томск

P.S. 25 июля Михаил Всеволодович встретил 70-летие. Коллектив Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, коллеги и ученики сердечно поздравляют Михаила Всеволодовича, желают ему крепкого здоровья, бодрости духа и новых свершений на благо российской науки.

Источник:

Карыпов А. Кодекс рыцаря науки // [Наука в Сибири](#). – 2007. – N 28–29. – С. 6.